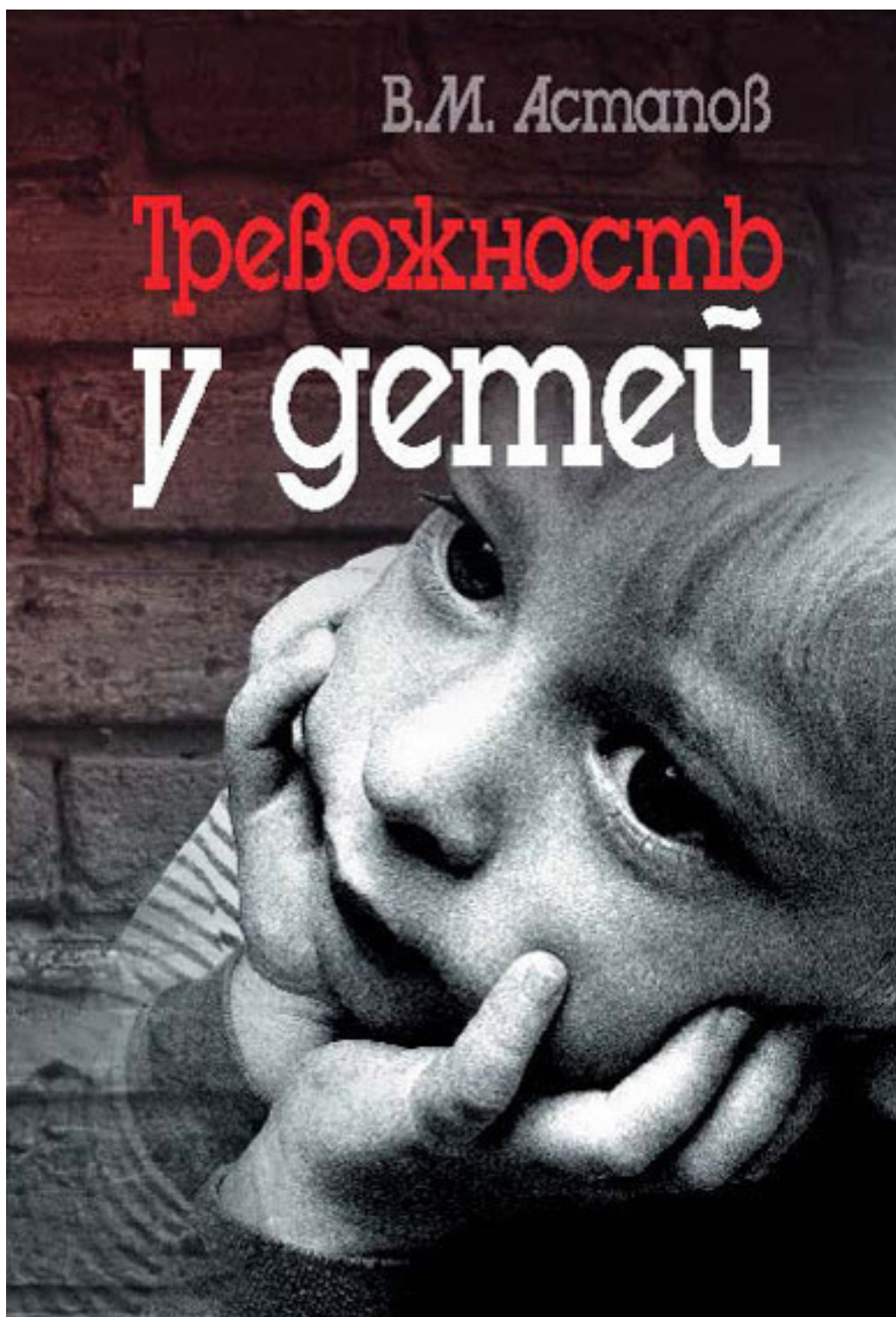


В.М. Астапов

Тревожность у детей



Валерий Астапов

Тревожность у детей

«Когито-Центр»

2008

УДК 159.9
ББК 88

Астапов В. М.

Тревожность у детей / В. М. Астапов — «Когито-Центр», 2008

Книга посвящена анализу места и роли тревоги в аффективных и поведенческих расстройствах у детей. Рассмотрены теоретические вопросы, касающиеся источников, причин и особенностей проявлений тревоги в детском возрасте, а также анализируются клинические и научные исследования тревожных расстройств, представленных в международных классификациях болезней. Предлагаются некоторые способы преодоления тревоги. Книга рассчитана на практических и медицинских психологов, а также будет полезна детским врачам-психоневрологам и психотерапевтам.

УДК 159.9
ББК 88

© Астапов В. М., 2008
© Когито-Центр, 2008

Содержание

Введение	6
Этимология понятия «anxiety»	8
Базисная тревога	12
Предпосылки развития тревоги	12
Тревога и страх	20
Нормальная и невротическая тревога	23
Интерперсональная концепция происхождения тревоги	25
Конец ознакомительного фрагмента.	33

В.М. Астапов
Тревожность у детей

© В.М. Астапов, 2008

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2008

* * *

Введение

Психологические трудности, а также эмоциональные (аффективные) расстройства и нарушения поведения довольно часто встречаются у большинства детей. Эти явления в значительной степени составляют неотъемлемую часть развития и сами по себе не должны вызывать беспокойства. Кроме того, существуют некоторые аспекты нормального развития, которые кажутся похожими на психические расстройства.

Однако у некоторых детей могут наблюдаться искажающие процесс нормального развития психические расстройства, характеризующиеся такими эмоциональными состояниями как тревога, фобия, депрессия и др., которые требуют не только психотерапевтического, но и медикаментозного воздействия.

Эти эмоциональные расстройства, с одной стороны, представляют собой отклонения от нормы, а с другой – приводят к возникновению нарушений социальных контактов.

Спектр клинических форм этих расстройств в детском возрасте довольно широк и разнообразен. Важным обстоятельством, заставляющим обращаться к этой теме, является значительное возрастное своеобразие клиники этих пограничных нарушений, незнание которых часто приводит к диагностическим ошибкам.

Кроме того, необходимо подчеркнуть, что для рассматриваемых нарушений характерны клинические формы, присущие только детскому возрасту.

Большинство авторов придерживаются той точки зрения, что эмоциональные расстройства у детей не проходят бесследно, проявляются в особенностях личности и могут находить отражение в последующей жизни.

В последнее время на первый план в изучении патопсихологии детского возраста выдвинулась проблема анализа места и роли тревоги в аффективных расстройствах. При этом довольно часто они выступают как самостоятельная патология. Возможность возникновения аффективных синдромов уже в раннем возрасте в настоящее время не вызывает сомнений.

Поэтому, следует особо отметить, что данная проблема является междисциплинарной и касается не только детской психиатрии, но и возрастной, педагогической и медицинской психологии.

Вместе с тем, несмотря на большое количество исследований, проведенных как у нас в стране, так и за рубежом, феноменология и патопсихологические особенности эмоциональных отклонений у детей нуждаются в уточнении.

В представленной работе для анализа причин и механизма функционирования тревоги, а также той роли, которую играет тревога в аффективных расстройствах, нами использована только современная иностранная литература.

Две наиболее распространенные в мире классификации (DSM и МКБ) выделяют тревожные нарушения, встречающиеся во всех возрастных группах, и особо говорят о расстройствах, типичных для детского возраста, тем самым подчеркивая самостоятельный характер этого патопсихологического феномена. Кроме того, в обеих классификациях отмечается, что тревога может существовать не только как изолированный синдром, но и проявляться в рамках других нарушений.

Содержание данной книги можно разделить на три части: в первой рассматриваются теоретические вопросы, касающиеся источников, причин и особенностей проявлений тревоги в детском возрасте; во второй обсуждаются тревожные расстройства у детей, представленные в международных классификациях, и приведен анализ клинических и научных исследований, необходимых для категоризации этих состояний; в третьей части (приложение) идет речь о приемах и методах преодоления тревоги.

Сложность и многозначность затрагиваемых в книге проблем ограничивает возможность углубленного их рассмотрения, но все же позволяет осветить достаточно большой круг вопросов.

Автор с благодарностью примет практические замечания, которые могли бы способствовать уточнению наших представлений о рассматриваемых вопросах.

Этимология понятия «anxiety»

Для более детального изучения нам представляется интересным рассмотреть происхождение этого понятия в различных языковых культурах.

Предположительно оно имеет индогерманский корень – angh. В греческом языке он появляется в слове *αγγι*, обозначающем «плотно давить», «душить». Релевантные латинские слова также содержат корень – angh. В тезаурусе латинского языка (*Thesaurus latinae linguae*) мы встречаем такие слова, как *ango*, *angor*, *anxius*, *anxietas*, *angina*, в которых присутствуют значения «ограниченности», «сжатия».

В немецком языке идея «узости» и «сжатия» прослеживается в словах *eng* и *bange*, так же, как в слове *Angst*.

Если обратиться к Оксфордскому словарю английского языка, то мы имеем *anxiety* (тревога, тревожность), *anxious* (тревожный), *anguish* (страдание) и *anger* (гнев). Кроме того, встречаются и релевантные значения: *ange* – страдание, горе, несчастье; *anger* – страдание, сожаление; *anguish* – мучительная, гнетущая физическая боль или душевное страдание; *anxious* – душевная обеспокоенность относительно неизвестного события.

В различных языках явно видны общие черты этой группы слов, но видны также и различия.

Немецкое слово *Angst*, наиболее значимое слово с психологической точки зрения, означает степень страха, далекую от того, что обозначается английским словом *anxiety*.

Некоторые авторы в качестве немецких эквивалентов *anxiety* используют слова *Schreck* и *Furcht*, обозначающие: страдание, страх, боязнь, ужас, испуг, оцепенение, смятение, хотя эти слова больше подходят для выражения более разрушающих эмоций, чем *anxiety*.

Так, Strachey (1963) в своих заметках, касающихся перевода трудов Фрейда, писал о трудностях при переводе слова *Angst*, напоминая, что Фрейд не придерживался последовательно различий, которые он сам проводил в употреблении этого слова. Strachey указывал на то, что *Angst* может переводиться любым из обычных английских слов – *fear* (страх), *fright* (страх, боязнь), *alarm* (смятение) – и, следовательно, нет необходимости фиксироваться на каком-либо термине.

Использование же слова *anxiety* как эквивалента *Angst* он считает недопустимым, ибо это понятие не имеет прямого отношения к тому, о чем писал Фрейд. В заключении Strachey возражает против перевода *Angst* как «*morbid anxiety*» (болезненная, патологическая тревога), указывая, что у Фрейда существовала теоретическая проблема в разведении *Angst* – «патологического» и «нормального».

В психологической литературе Англии и Америки, как указывает Sabrin, в первой четверти столетия *anxiety* не занимает того ведущего положения, как *fear* (страх), могущий быть эквивалентом *Angst*.

Можно предположить, что понятие тревоги (тревожности) стало многим знакомо из-за его ведущего положения в экзистенциальной философии, основоположником которой был Кьеркегор и которую широко распространили такие теологи, как Тиллих, и такие философы, как Хайдеггер, Ясперс и Сартр.

Кьеркегор настаивает, что страх (*Angst*) первого человека «совершенно отличается от боязни и других подобных состояний, которые вступают в отношения с чем-то определенным: в противоположность этому страх является действительностью свободы, как возможность для возможности» (с. 144); «...тот, кто через страх (*Angst*) становится насквозь виновным, все же невинный, ибо он не сам стал таким, но страх, чуждая сила, подтолкнула его к этому, сила, которую он не любил, нет, сила, которой он не страшился; и все же он виновен, ибо он погрузился в страх...» (с. 145), и далее «...*Angst* можно сравнивать с головокружением... это голо-

вокруг свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю...» (с. 146).

Это цитаты из известной работы Кьеркегора «Страх и трепет» (1993). Что же, по Кьеркегору, является предметом страха? Он пишет: «В том состоянии (т. е. в состоянии невинности) царствует мир и покой; однако в то же самое время здесь пребывает нечто иное, что, однако же, не является ни миром, ни борьбой; ибо тут ведь нет ничего, с чем можно было бы бороться. Но что же это тогда? Ничто. Но какое же воздействие имеет ничто? Оно порождает страх». (с. 143), «...ничто, являющееся предметом страха, вместе с тем все больше и больше превращается в Нечто... Ничто страха превращается здесь в переплетение предчувствий, которые, отражаясь друг в друге, все ближе и ближе подходят к индивиду, хотя опять-таки, будучи рассмотрены, по существу, в страхе, они снова обозначают Ничто; надо лишь заметить, что это не такое Ничто, к которому индивид не имеет никакого отношения, но Ничто, поддерживающее живой союз с неведением невинности» (с. 161).

Приведенные извлечения показывают, как трудна для понимания, в силу амбивалентности, теория Кьеркегора, и, как следствие, приравнивание Angst в его понимании и его последователей к Angst как современного психологического понятия.

Здесь мы не будем углубляться в метафизику страха, но сделаем заключение, что Кьеркегор, вводя понятие страха (Angst) как экзистенциального страха, говорит не о боязни чего-то определенного, а о страхе как неизбежной тревоге (anxiety), лежащем в основе человеческого существования и корнящегося в первородном грехе, ибо «ни один великий инквизитор не имел под рукой столь ужасных пыток, какие имеет страх, и ни один шпион не умеет столь искусно нападать на подозреваемого как раз в то мгновение, когда тот слабее всего, не умеет столь прельстительно раскладывать ловушки, в которые тот должен попасться, как это умеет страх; и ни один пронизательный судья не понимает, как нужно допрашивать обвиняемого – допрашивать его, как это делает страх, который никогда не отпускает обвиняемого – ни в развлечениях, ни в шуме повседневности, ни в труде, ни днем, ни ночью» (с. 242–243).

В конце XIX века понятие, которое выражалось словом Angst, больше относилось к инволюционной меланхолии, чем к тому, что стали в дальнейшем называть неврозом тревожности.

Wernike (1906) ввел в обращение термин «психоз тревожности», который позднее стал называться «тревожной депрессией» или «тревожной меланхолией».

В 1909 году Kraepelin описывал Angst как комбинацию неприятных ощущений с внутренним напряжением, включающую целостное телесное и душевное состояние. Он перечислил его многочисленные внешние проявления: стоны, убежание прочь, головокружение, чувство слабости, дрожь, потение и др. Kraepelin отмечает, что Angst возникает без всякого стимула, известного страдающему. Если Angst как рабочий термин у Wernike использовался для обозначения психоза тревожности, то у Фрейда (1895) – для описания субъективного чувства тревоги, связанного с висцеральными нарушениями (Angstnevroses).

Первое понятие не получило широкого распространения за пределами Германии. Второе, принятое Фрейдом, требует внимательного рассмотрения ввиду большого влияния на язык психопатологии термина Angst.

В 25-й лекции он указал на то, что Angst сам по себе не нуждается в описании: «...каждый из нас когда-нибудь на собственном опыте узнавал это ощущение или, правильнее говоря, это аффективное состояние» (с. 250); затем добавляет, что проблема «является новым пунктом, в котором сходятся самые различные и самые важные вопросы, решение которых должно пролить яркий свет на всю нашу душевную жизнь» (с. 251).

Главная статья Фрейда, касающаяся рабочего употребления термина, вышла в 1895 году. В ней он описывает синдром Angst-nevroses в терминах 10 главных черт:

– общая раздражительность;

- тревожное ожидание;
- острый страх (Angst);
- различные сочетания пунктов (1, 2, 3);
- ночные кошмары;
- головокружение;
- фобии;
- расстройства пищеварительного тракта;
- истерические проявления;
- симптомы могут быть хроническими и сопровождаться небольшой тревожностью.

Однако, наибольшие изменения взглядов Фрейда на этиологию тревоги отражены в его работе «Hemmung, Simptom und Angst» (1926). По существу он отказался от концепции тревожности как трансформированного либидо и признал, что тревожность является реакцией на опасность. Angst, теперь считает он, имеет несомненное отношение к ожиданию. Оно неопределенное, и ему недостает объекта, поэтому, – указывает Фрейд, – мы используем скорее слово Fürcht, чем Angst, если у него имеется объект. «Реальная опасность – это известная опасность и реалистическая тревога (Realangst), это тревога по поводу известной опасности... Невротической тревогой является тревога по поводу неизвестной опасности. Вводя эту опасность, неизвестную (это) в сознание, психоаналитик делает невротическую тревогу не отличающейся от реалистической» (с. 140). «Опасная ситуация является узнаваемой, запоминаемой, ожидаемой ситуацией беспомощности. Тревога – это первоначальная реакция на беспомощность при травме и позднее воспроизводится в опасных ситуациях как сигнал...» (с. 162).

В 1929 году Jones привлек внимание к родственным понятиям – тревога, страх, боязнь, испуг, паника и опасение и заявил, что в патопсихологии термин «невротическая тревога» широко применяется для обозначения особого рода явлений, который может быть отделен от явлений, группирующихся вокруг понятия «страх». Затем он описал различия, включающие диспропорцию между внешним стимулом и ответом на него и диспропорцию между телесными психическими проявлениями.

Во французском языке Janet (1892) первым предложил относить к *angoisse* диффузное эмоциональное расстройство, а *anxiété* рассматривать как смутное, но перманентное состояние. Вслед за Janet Pishon (1939) дал более точное определение. Согласно ему, *angoisse* – это процесс, в котором интенсивное и острое психическое страдание синхронизировано с субъективным чувством сжатия горла, тахикардией и другими висцеральными нарушениями. *Anxiété* он описывает как хроническое психическое состояние, в котором присутствует дискомфорт нейровегетативного происхождения.

Еу (1951) написал большую и информативную работу о патологической тревожности, которую начинает с признания различий, имплицитно заключенных в терминах: *angoisse*, представляющий собой эмоциональное расстройство, испытываемое перед лицом надвигающейся опасности и характеризующееся телесными явлениями, и *anxiété*, являющееся более общим аффективным состоянием. Но в примечании к работе он отмечает, что будет употреблять *anxiété* и *angoisse* недифференцированно.

Baruk (1952) разрабатывает представления о различных видах *anxiété*, которое он считает всеобъемлющим термином, рассматривая *angoisse* как менее важное. Как и многие другие исследователи, он видит разницу между *anxiété* и страхом (*peur*) в том, что последний вызывается какой-то очевидной и могущей быть доказанной опасностью и исчезает, когда проходит опасность.

Испанская точка зрения наиболее полно представлена Ibor (1980) и близка французской: при *angustia* (*angoisse*) доминирует аффективная сторона нарушений, а при *ansiedad* (*anxiété*) – психологическая; первая более статична, во второй присутствует движение, чувство беспокойного ожидания.

Хотя Auden (Цит. По Г.Каплан, Б.Сэдок; 1994) назвал современную эру «веком тревоги», такие авторы, как Sabrin (1957), Ruscroft (1995), полагают, что множество различных толкований anxiety, имеющихсся как в психологической, так и в психиатрической литературе, свидетельствуют об отсутствии ясного представления о природе этого явления.

Базисная тревога

Предпосылки развития тревоги

Тревога в мире человеческих переживаний – явление столь распространенное и имеет столько разных особенностей, что очень трудно определить, с какого периода развития индивида следует начинать анализ предпосылок ее возникновения.

При желании можно начать изучение данного вопроса с раздражимости протоплазмы. Так, Grinker (1953) считает, что раздражимость – эта та основополагающая функция, из которой впоследствии возникла тревога.

Реакция испуга также является предпосылкой тревоги, по мнению Kubie (1941), так как в жизни индивида она играет роль связывающего звена между реакцией испуга и завершением мыслительного процесса.

По мнению Ramzy и Wallerstein (1958), существует тесная связь, что боль и страх порождают тревогу. Они считают, что есть тесная связь между первоначальной болью и страхом с одной стороны, и характером и уровнем последующей тревоги – с другой. Szasz (1959), однако, полагает, что на самом раннем этапе развития «Эго» боль и тревога сосуществуют как единое, недифференцированное неприятное ощущение. На следующей стадии, между 4-м и 9-м месяцами, ребенок уже воспринимает свое тело отдельно от человека, который заботится о нем. Начало такого отделения означает способность «Эго» к дифференцированной ориентации – на свое тело и на объект (мать). Соответственно, примитивное аффективное образование «боль – тревога» дифференцируется на боль, связанную с телом, и тревогу, связанную с объектом. Наконец, на третьей, взрослой стадии развития «Эго» опасность обозначает потерю необходимого объекта (изначально это была мать), и боль – сигнал об опасности лишиться части или всего тела.

Младенческая тревога сама по себе может рассматриваться как предпосылка «психической» тревоги. Blau (1955) отмечает, что, говоря о младенце, мы не можем вести речь о психологии аффекта, так как реакции аффекта носят чисто физиологический характер. Для обозначения этой примитивной, недифференцированной реакции он предлагает использовать термин «первичная тревога» или «примитивная тревога». То, что в основе реакции тревоги лежит инстинкт самосохранения, – факт, не требующий доказательств. По мнению Bazowitz и других (1955), настороженность характерна для всех живых существ, поскольку истоки ее – в раздражимости протоплазмы и животной бдительности, т. е. в свойствах, необходимых для выживания.

Тревога является, по большому счету, сущностью бдительности и осторожности – такова была точка зрения McDougall. Как указывает Ruscroft (1968), он придает большое значение тому аспекту тревоги, который не является непосредственно очевидным. Суть этого аспекта в том, что тревога – это состояние, связанное с будущим.

Бдительность McDougall и сигнальная тревога Freud являются зеркальными психологическими концепциями, но они имеют очевидную связь с биологическими и неврологическими концепциями вигильности. В целях самосохранения организму приходится быть осторожным и осмотрительным в силу возможности перемен в его окружающей среде.

Состояние тревоги представляет собой усиление настороженности для подготовки к собой предвосхищаемой ситуации или к той, которая в данный момент осуществляет негативное воздействие на индивида.

Начало психических процессов осознания действительности связано, по мнению Rheigold (1967), с развитием отношений между младенцем и матерью. Боль и тревога первоначаль-

чально могут представлять собой единое целое, дифференцированно соотносящееся с телом и объектом, так как боль и мать ассоциативно связаны в силу того, что младенец воспринимает мать как любой источник дискомфорта или боли, интуитивно чувствуя ее возможные разрушительные импульсы.

Так, Гринейкер (цит. по Блюму, 1996) не исключает, что ощущение опасности у ребенка появляется не в момент родов, а еще раньше, в пренатальный период. Он приходит к выводу, что конституция, пренатальный опыт и обстановка непосредственно после рождения играет роль в предрасположенности к тревоге. Этот тип тревоги отличается от более поздней тревоги отсутствием психологического содержания и осознания. На внешнюю стимуляцию плод реагирует увеличением активности, а шум вблизи матери вызывает учащение сердцебиения.

Гораздо большим, чем Гринейкер, считает влияние внутриутробного периода на развитие личности Фоудор. (Цит. по Блюму, 1996). Он пишет, что пренатальные условия и родовая травма создают биологическую основу, обуславливающую многие формы невротического поведения.

В своей работе «The Problem of Anxiety» (1936) Freud придает первостепенное значение процессу рождения, указывая, что на новорожденного обрушивается большое количество стимулов и он не обладает защитными механизмами для их переработки. Это первая опасная ситуация становится прототипом для более поздней формы тревоги.

Следует отметить, что Ранк (1924) первым отметил роль родовой травмы в развитии личности. Он рассматривает рождение как глубочайший шок на физиологическом и психологическом уровне, создающий «резервуар тревоги». Причина любых неврозов состоит в сильной тревоге при рождении, поздняя тревога может быть интерпретирована в ракурсе родовой травмы не просто как модели, а в качестве первоисточника. Отделение от матери представляет собой первичную травму, а последующие отделения любого рода приобретают травматический характер.

Однако Фрейд отрицает травматический характер родовой травмы: «Что представляет «опасность»? Акт родов является объективно опасным для жизни... Но психологически он вообще не имеет значения. Опасность рождения не несет психологического содержания». (Цит. по Блюму, с. 34).

Описывая механизмы влияния родовой травмы на развитие психики ребенка, Фоудор выдвигает следующие положения:

1. Интенсивность родовой травмы пропорциональна повреждениям, которые ребенок получает во время родов или сразу после появления на свет;

2. Любовь и забота о ребенке непосредственно после родов играют решающую роль в уменьшении длительности и интенсивности травматических последствий.

Напряжение, создаваемое угрозой для жизни ребенка приводит, по мнению Rheigold (1967), к аномальному развитию его Эго; такая личность будет каждый раз проявлять слабость в тревожной ситуации.

Ribble (1957) считает, что вызвать тревогу у младенца может неспособность со стороны взрослых полноценного удовлетворения его витальных потребностей – в пище, кислороде, во внешних стимулах. Материнские ласки – основной динамический фактор стимулирования физиологических реакций ребенка и условие преодоления им потенциальной тревоги. У детей, лишенных должной материнской заботы, необходимой для удовлетворения их витальных потребностей и физиологической интеграции, развиваются состояния напряженности.

К этому также следует добавить заболевания и повреждения, которые не только повышают уровень тревоги на данный момент, но и в этом раннем возрасте закладывают почву для особой чувствительности организма к ситуации опасности в будущем. Почти все факторы, создающие основу для физиологических реакций тревоги, так или иначе связаны с матерью. Состояние напряжения, неудовлетворенная потребность в ласке в младенческий период гово-

рит о плохой материнской заботе; кроме того, некоторые заболевания и повреждения могут свидетельствовать об игнорировании матерью своего ребенка или враждебном отношении к нему.

Freud (1926) предположил, что только несколько проявлений тревоги у детей легко выделяемы для нас, поэтому внимание должно быть ограничено ими. «Например, они проявляются в том случае, когда ребенок находится один, в темноте или видит, что вокруг посторонние вместо тех, с кем он привык быть – таких, как мать. Эти три условия могут быть названы и сведены к одному – потере любимого объекта, к которому он привык. И именно в этом ключ к пониманию тревоги» (136–137).

Это положение стало отправной точкой для нескольких современных теорий тревоги.

Bowlby (1969) предложил существенно пересмотреть некоторые положения психоанализа. «Важной причиной того, что в процессе взросления некоторые индивиды становятся склонными к тревожности, является то, что в детстве у них был период, когда они были слишком долго брошены на произвол судьбы или были частые отлучения от взрослых... Получив такой опыт в детстве, человек становится в процессе взросления сверхчувствительным к такого рода отделениям и потерям» (с.103).

Bowlby считает, что пагубный эффект зависит не только просто от отсутствия матери, которая может быть адекватно заменена, но и от определенного рода неадекватности матерей. В работе Ainsworth, развивающей представления Боулби, показано, что «матери, которые разным образом были недоступны для новорожденных, имели детей с четко выраженной «отлученной» тревожностью» (Ainsworth, 1971, с. 145).

Bowlby предложил довольно простую модель теории тревожности – ребенок обучается ожидать разлучения при первой своей привязанности в жизни, в результате он переносит это ожидание на последующие свои привязанности. Он сформулировал важнейший вопрос: «Почему, спрашивается, ребенок должен, находясь в темноте или с незнакомым человеком, быть таким тревожным, особенно если этот человек – «незнакомец» – очень внимателен и добр к нему?» (1969, с. 99).

Freud (1926) предположил, что причиной тревоги является пищевая потребность; разлученный ребенок начинает бояться «возрастающего уровня этой потребности, против которой он беспомощен», но этот уровень приобретает в собственном опыте, его может регулировать мать. Однако, это объяснение неадекватно. Оно, например, не объясняет тревожность, появляющуюся от незнакомого человека, которая возникает почти одновременно с тревожностью разлучения.

Нам кажется, что некоторые паттерны или сценарии поведения закодированы в нервной системе, и эти виды поведения реализуются при определенных стимулах: визуальных, звуковых и ольфакторных. Все они взаимосвязаны.

Возможно, дети получают стимулы, исходящие из паттернов поведения матери, которые в свою очередь сами являются внутренними (Klaus, 1975).

Затруднения, связанные с тревожностью отлучения, в свою очередь вызвали ряд вопросов, один из которых сформулировал Bowlby: почему тревожность отлучения повышается в возрасте 6–7 месяцев? Работа Spitz (1965) показала, что ребенок начинает различать небольшие части воспринимаемого окружения, как если бы это были изолированные части, затрудненные для восприятия. Эти небольшие части потом обязательно объединяются в целое. Примером может служить соединение вместе различных черт лица. Вначале значимыми являются только глаза, и ребенок будет улыбаться маске с глазами и ртом, выражающим гнев, или вообще без рта. Позднее рот становится необходимым для восприятия, в то время как профиль не вызывает никакой реакции. Потом и профиль вызывает улыбку и паттерн лица становится завершенным.

Кроме визуального, приобретается и другой опыт. Например, в начале жизни эмоциональные состояния не всегда могут быть различимы по их телесным проявлениям. Хорошо выраженные состояния, такие как злость и напряжение, могут быть перепутаны с проявлением сострадания. Когда эти чувства становятся различимыми, они связываются с восприятием органов чувств другой модальности. Например, определенный образ матери может вызвать специфическую эмоциональную реакцию. Образ «кормящей матери» связывается с приятными физическими состояниями – теплотой и висцеральным комфортом.

Организация сознания ребенка, объединение ранее несвязанных элементов воспринимаемого мира, есть процесс концептуализации, т. е. приписывания значений тому, что воспринимается. Например, объединяя небольшие концепции «глаза», «губы», «волосы», ребенок создает новую концепцию «лицо».

Можно предположить, что различный опыт восприятия матери на первом этапе организован дискретно, так, что существует отдельно «мать, приходящая ночью», «мать, входящая в комнату», «мать около детской кроватки». Таким образом, «мать» – это набор из многих матерей – женщин, все они хорошо узнаются, но не взаимосвязаны.

С первого взгляда такая необычная гипотеза кажется затруднительной для изучения. Однако известный шотландский психолог Bower (1974) провел следующий эксперимент: «Я буду описывать новорожденных, которые размещаются напротив зеркал, воспроизводящих 2 или 3 образа человека. В одном случае новорожденному предъявлялись 2 или 3 изображения его матери, в другом он видел свою мать и 1 или 2 незнакомых женщины, сидящих в такой же позе, как и его собственная мать.

Новорожденные в возрасте менее 20 недель в случае многократного предъявления матери успешно реагировали с помощью улыбок, движением рук на каждую мать поочередно. При предъявлении незнакомой матери новорожденные так же счастливы и взаимодействуют с ней так, как если бы это была их собственная мать. Они не узнавали собственно различных матерей, в этом смысле я употребляю термин «идентификация», которой означает, что они не идентифицировали различные образы матери, принадлежащие одному и тому же человеку.

Новорожденные в возрасте более 20 недель игнорировали незнакомую и взаимодействовали со своей матерью. Однако при многократном предъявлении матери они становились удрученными, когда видели более чем одну маму. Я должен признать, что это показывает, что более маленькие новорожденные идентифицируют объекты с местом, и, следовательно, они думают, что у них множество матерей. Более взрослые новорожденные идентифицируют объекты по качеству, они знают, что у них только одна мама. Поэтому они становились удрученными при одновременном предъявлении нескольких изображений» (с. 83).

Это исследование позволяет предположить, что возраст 6–7 месяцев представляет собой стадию развития ребенка, когда впервые у него формируется «внутренняя представленность», согласно терминологии Schaffer (1971), единственной матери. Если это так, то этим частично можно объяснить появление тревожности отлучения в возрасте 6–7 месяцев.

Пока эта идея представляет собой какой-то теоретический интерес, она требует дальнейшей разработки, хотя бы даже незначительной. Развитие «внутренней представленности» является существенно значимым для отношений между объектами. Переход от частичного восприятия объекта к построению его целостного образа можно рассматривать как показатель процесса созревания. Это утверждение Schaffer, который определил тревожность отлучения, как краеугольный камень в когнитивном развитии ребенка, представляющий собой первое появление интегративной «внутренней представленности». Эта идея может быть проверена при изучении формирования привыкания, которое зависит от противопоставленности внешним объектам внутренней представленности.

Привыкание можно обнаружить уже в первые дни жизни. Это, конечно, очень ограниченное привыкание. Через 8-12 недель ребенок достигает того, что научается различать про-

стейшие и относительно ничего не значащие стимулы для понимания их в собственно терминах близости или отдаленности (McCall, 1971).

В возрасте от 6 до 7 месяцев ребенок сначала ведет себя так, как если бы он знал, что у него одна мама, мама единственная. Однако мы все еще не можем объяснить, почему ребенок испытывает тревогу, когда долго ее не видит.

Возможно, что ребенок в этом возрасте считает, что исчезнувший объект вообще перестает существовать. Piaget приводит пример поведения ребенка в возрасте 7 месяцев. «Жаклин пытается схватить игрушечного утенка на своем стеганном одеяле. Она почти схватила его, но неожиданно он выскальзывает и оказывается позади нее. Он упал почти рядом, но сзади, и оказался в складках простыни. Глаза Жаклин продолжают двигаться, двигается рука в этом же направлении. Но как только утенок исчез из поля зрения – действия сразу же прекращаются! До нее не доходит, что нужно посмотреть в складки простыни сзади, что было бы очень легко сделать (она делала все механически, без какого-либо поиска)... Затем я доставал спрятанного утенка и клал его около ее руки три раза. Все три раза она пыталась его схватить, но как только она была близка к этому, я сразу же нарочито очевидно прятал его под простыней. Жаклин немедленно убирала руку и успокаивалась. На второй и третий раз я дал ей почувствовать игрушку под простыней, и даже на короткий промежуток времени она дотрагивалась до нее, но до нее не доходило приподнять простыню». (Flavell, 1963, с. 132).

Однако более поздние исследования показали, что поведение Жаклин в действительности характеризует ребенка в возрасте от 4 до 6 месяцев. Позже этого возраста ребенок обычно может достать игрушку, спрятанную под каким-то укрытием.

Bower (1974) провел эксперименты, в которых выдвинул предположение о причинах того, почему ребенок не может отыскать спрятанную игрушку. Трех- и четырехмесячные дети наблюдали за движущейся игрушкой – паровозиком. Затем паровозик останавливали. Дети также останавливали свой взгляд на неподвижном поезде, а затем продолжали смотреть на тот отрезок пути, который прошел поезд до остановки.

Дети действовали так, как будто остановившийся поезд для них – это совершенно другой предмет, не тот, который двигался, как будто они наблюдали за двумя различными паровозиками.

Последующие эксперименты были связаны с предположением, что дети определяют идентичность движущегося объекта просто в понятиях движения. Движущийся за ширмой предмет воспринимается при появлении как совершенно другой объект, но и это не вызывает изменений в траектории движений глаз ребенка. Но когда объект появляется с другой стороны, ребенок начинает выражать беспокойство. Исходя из этого, можно предположить, что объекты идентифицируются не только по движению, но также по местоположению, а эта способность появляется у ребенка к пяти месяцам.

Исчезновение объекта со своего места может означать, что он перестал существовать, а его появление является демонстрацией его возрождения.

Эту концепцию Piaget описывает следующим образом: «Всё говорит за то, что ребенок воспринимает объект как сделанный или не сделанный... Когда ребенок видит частично появляющийся из-за ширмы объект, он предполагает, что этот объект существует целиком, он даже не считает, что эта целостность формируется «за ширмой», он просто допускает, что этот процесс формирования идет в момент появления из-за ширмы.

Так как положение объекта в пространстве является важной составляющей его существования, окружение ребенка постепенно наполняется такими понятиями как «мяч под креслом», «кукла в гамаке», «часы под подушкой», «мама около окна». Если мяч закатился под диван, он становится уже другим объектом: «мяч под диваном». Если мама готовит, она становится «мамой около плиты». Такой мир похож на «кинофильм, состоящий из статических кадров, которые сменяют друг друга, не давая никакой последовательности и целостного представле-

ния о всех кадрах». (Flavell, 1963, с. 151). В данном случае мы снова возвращаемся к теории «множественной мамы».

В период появления тревоги отлучения или немного раньше ребенок «уже не думает, что предмет продолжает оставаться предметом до тех пор, пока находится на данном месте, и что все предметы, находящиеся в данном месте, есть одни и те же предметы или что предмет остается предметом до тех пор, пока продолжает двигаться по одной траектории, являются одними и теми же предметами». (Bower, 1947, с. 202).

Однако «константность объекта» – это детская очевидная определенность, убежденность. Понимание того, что предмет продолжает существовать, несмотря на свое исчезновение, достигается только к 18 месяцам. Младенцы до 18 месяцев продолжают демонстрировать необъяснимую тенденцию идентифицировать объекты с местами. Они не могут смириться с невидимым месторасположением предмета. В возрасте 18 месяцев ребенок уже действует так, будто вещь постоянно существует независимо от того, видима она или нет.

Знаменитая фрейдовская история рассказывает о том, что маленький мальчик 18 месяцев может сделать такое для себя открытие, но ему постоянно требуется подкрепление. Ребенок бросает деревянную катушку, привязанную к веревке, дает ей исчезнуть, а затем тянет веревку, чтобы снова её увидеть. Эту процедуру он может повторить несколько раз. Вероятно, что «такое поведение связано с детской тревогой, когда мама временно отсутствует». (Freud, 1920, с. 14).

Предположение, что ребенок находится в состоянии дистресса при отсутствии матери, вытекает из факта существования у новорожденных тенденции идентифицировать объекты по их местоположению, но не объясняет возникновения самого дистресса. Для объяснения нам необходимо обратиться к особому типу мышления, который обнаруживается в тот период, когда проявляется тревожность отлучения.

Одним из описываемых этапов в развитии детской концептуализации Piaget называет и характеризует как «предоперациональное мышление». Оно проявляется до 6–7 лет, пока не появятся операции логического мышления.

Предоперациональное мышление характеризуется, в частности, такими особенностями, как анимизм и таинственность. Это отражается в детских представлениях о происхождении обычных событий. Например, «пятилетний ребенок может верить, что облака могут двигаться от того, что мы идем, и они нам подчиняются». (Flavell, 1963, с. 280).

Дети с предоперациональным мышлением верят, что они могут оказывать влияние на свое окружение. Так один испытуемый Piaget, которому было 2,5 года, раскачивался напротив маятника, чтобы заставить его двигаться. Он действует таким образом, как будто нет абсолютных различий между ним и миром вокруг него. Ребенок с предоперациональным мышлением исследует объекты с позиций собственной мыслительной деятельности. «Ребенок не способен четко различать события психологической и физической жизни; опыт человека постоянно интерпретируется и сравнивается с объективной реальностью, в которой приобретается этот опыт». (Flavell, 1963, с. 280).

Ребенок ведет себя так, как будто границы между ним самим и его окружением являются очень фрагментарными. Предполагается, что в первые дни жизни почти не существует границы и чувство границ развивается только к 6 или к 7 годам, но даже в этом возрасте оно еще полностью не сформировано. Если ребенок верит, что граница между ним самим и другими минимальна, то мама, которая находится с ним очень часто, воспринимается как нечто отдельное, однако очень необходимое, как часть собственной системы. Угроза её потери может чувствоваться как некая угроза части его физического состояния, поэтому данная теория может рассматривать тревожность как поведенческое проявление при отлучении от матери.

Предоперациональное мышление может участвовать в появлении тревожности отлучения разными способами, в частности, при амбивалентности. Теория амбивалентности может

быть представлена в терминах вышеизложенной проблемы. Предварительно можно предположить, что взаимодействие с любыми объектами дает ребенку как приятный, так и неприятный опыт. Все объекты грубо можно разделить на «хорошие» и «плохие». «Предоперациональный» ребенок, который амбивалентен до некоторой степени, чувствует себя в опасности, так как сила его воображения очень сильна. Если чувство, которое он испытывает к матери, является чувством злости, то ребенок рискует её потерять. Klein, исследуя эту проблему, отмечала, что «ребенок теперь боится, что его воздействие и воображение может вызвать смерть матери, и он останется один в своем беспокойном состоянии». (Klein, 1944, с. 148). Такие наблюдения указывают на работу детской концепции смерти. Идея смерти связана не только с отлучением, но также и с агрессией. У детей до 5 лет страх смерти тесно переплетается со страхом агрессивных импульсов. (Anthony, 1971).

С того момента, как ребенок может приписывать себе чувства матери, ребенок с агрессивными тенденциями верит, что временами его мама становится «плохой».

Klein приводит пример из клинической практики по поводу отлучения и связанного с ним страха. Она пишет: «Шестилетний мальчик заставлял меня играть роль «сказочной мамы», которая защищает его от «плохих родителей» и убивает их. Более того, я постоянно менялась: была то «сказочной», то «плохой» мамой. В качестве «сказочной мамы» я залечивала безнадежные раны, которые он получил от громадного дикого животного («плохие» родители), но в следующий момент я уходила и возвращалась уже как «плохая» мама. Он сказал: «В любой момент, когда «сказочная» мама выходит из комнаты, никогда не знаешь, вернется ли она прежней или превратится в «плохую» маму». Этот мальчик был в раннем возрасте необычно сильно привязан к своей матери и бесконечно верил, что грубость может убить его родителей, братьев и сестер. Получалось так, что если он видел свою мать минуту назад, он не чувствовал никакой уверенности, что она не умерла за этот промежуток времени». (Klein, 1944, с. 249). Она также отмечала, что «причина потребности ребенка в постоянном присутствии матери связана не только с тем, чтобы знать, что она не умерла, а с тем, что она не есть «плохая мама» (там же).

Эти различные идеи «множественной» мамы, константности объектов и предоперационального мышления связаны с проблемой развития детской тревожности при отлучении. Детский страх перед отлучением является «ключом» для понимания болезненной тревожности у взрослых. Если это предположение верно, то следы когнитивного развития индивида продолжают существовать в некоторых формах, но уже в зрелом возрасте.

В предположениях Klein содержится не только идея о том, что детская враждебность является причиной появления тревожности через страх отлучения, но также связана с экспериментальной моделью неврозов. Ребенок может оказаться в ситуации, когда он не может выбрать между двумя противоположными формами поведения. В случае амбивалентности могут быть следующие императивы:

- «Я не могу демонстрировать любовь, пока я одновременно чувствую ненависть»;
- «Я не могу демонстрировать ненависть, так как я могу убить то, что я люблю».

Пиаже считал, что осознание «конфликтующих между собой правил» является частью когнитивного развития. Bower (1974), описывая эксперименты на константность объектов, поясняет это следующим образом. Ребенок знает, что «объект идентифицируется по своему движению». Когда объект и движется, и останавливается, правила становятся конфликтными. Решение этой когнитивной дилеммы будет зависеть от формирования новых правил, которые включают в себя и предыдущие, например, – «объект может передвигаться с места на место».

Экспериментальная модель неврозов предполагает, что тревога может возражать, когда «внутренняя представленность» заполненных ожиданий уже больше не связывается с проявлениями и сигналами внешней среды. Сам Фрейд полагал, что механизм приписывания может быть включен в тревожность: «Мы находим совершенно понятным, что дикарь боится ружья

и пугается солнечного затмения, в то время как белый человек, умеющий обращаться с этим орудием и предсказать данное событие, в этих условиях свободен от страха». (1989, с. 251).

Новые стимулы, которые соответствуют структуре опыта, могут вызывать смятение, страх. Более того, Фрейд относит этот процесс приписывания к фазе тревожности отлучения – неизвестности. «Маленький ребенок боится, прежде всего, плохих людей ... Но этих чужих ребенок боится не потому, что предполагает у них злые намерения ... Ребенок... пугается чужого образа потому, что настроен увидеть знакомое и любимое лицо, в основном, матери». (1989, с. 260).

Понятие соотнесения само по себе является недостаточным и может быть дополнено с помощью работы Lewis. Он различает состояние и эмоциональный опыт, считая, что появление в «самости» Джеймса двойственности – «частично знающий и частично знаемый» (1978, с. 189) – абсолютно необходимо до появления «опыта».

До этой стадии ребенок является довольно пассивным реципиентом событий, некоторые из которых могут вызвать явный дистресс. Lewis (1978) считает, с логических позиций, что опыт тревожности может появиться только тогда, когда разовьется «когнитивное оценивание». Развивая эту идею, он предполагает, что опыт тревожности может включать в себя осознание индивидом опасности, оно зависит не только от «когнитивного оценивания», но также и от оценки самого себя как отличного, отдельного существа. «В возрасте 6–8 месяцев ребенок начинает понимать, что внешние объекты являются отдельными, существуют сами по себе. Если ребенок знает, что объект существует отдельно от других объектов, то будет правильным сделать вывод, что знание других, самого себя, объектов развивается одновременно». (1978, с. 211).

Lewis относит генезис тревожности к детскому когнитивному развитию. При этом он подчеркивает, что даже когда процесс соотнесения является очевидным, то тревожность не будет развиваться до тех пор, пока ребенок не знает, что «он существует как отдельный организм» (там же).

Тревога и страх

Теоретически, как подчеркивают многие авторы, разница между тревогой и страхом проста: страх – это реакция на конкретно существующую угрозу; тревога – это состояние неприятного предчувствия без видимой на то причины (причина существует только в сознании человека). Но при анализе конкретного случая состояния напряжения установить эту разницу довольно непросто. Часто очень трудно сказать, является ли наблюдаемая реакция страхом или тревогой, или чего в ней больше – страха или тревоги, или в какой момент страх переходит в тревогу и наоборот. Авторы, которые особо подчеркивают эту разницу, не всегда последовательны в ее применении к конкретным случаям. Freud, к примеру, рассматривает тревогу часто с точки зрения аффекта, игнорируя при этом объект, вызывающий ее; тем не менее, он определяет объективную тревогу как «естественное и рациональное» явление; следует называть его реакцией на восприятие внешней угрозы, на ожидаемый или предвидимый ущерб. Такая реакция – по сути своей страх, хотя и названа «объективной тревогой». В работе «Hemmung, Symptom und Angst» (1926) он утверждает, что правильнее использовать слово «боязнь» вместо слова «тревога», если есть связь с реальным объектом, однако независимо от наличия такого объекта сам Фрейд во всех случаях использует термин Angst.

Тревога предполагает существование объекта. Freud показал со всей очевидностью, что если опасность неизвестна, это отнюдь не означает, что тревога – продукт беспочвенной фантазии. Тревога в этом случае основана на угрозе, существующей в человеческом бессознательном. Поэтому, как указывает Rheingold (1967), было бы целесообразным определить разницу между страхом и тревогой не в рамках наличия или отсутствия объекта, но опираясь на понятия внешнего и внутреннего объекта. При этом возникает проблема дифференциации внешних и внутренних источников угрозы. В случае фобии мы имеем вполне определенный внешний объект; для человека, страдающего фобией, угроза исходит извне, он же просто опредметил эту угрозу таким образом, что она оказалась соотнесенной со сравнительно нейтральным объектом или ситуацией. Многие люди страдают от самых различных страхов, которые связаны скорее с неприятными предчувствиями, чем с реальными опасностями. «Внешнее» и «внутреннее» – понятия относительные; внешнее интерпретируется и оценивается организмом, внутреннее стремится к объективации.

Трудности, связанные с попытками провести четкую линию между внешним и внутренним, наглядно проявились в определении Zetzel (1955). Страх – это нормальная адекватная реакция на ситуацию внешней опасности; тревога – это (1) преувеличенная, то есть неадекватная реакция на ситуацию реальной внешней опасности; (2) преувеличенная реакция на мало-значимую ситуацию внешней опасности; (3) реакция, похожая на страх, но при отсутствии ситуации внешней опасности или (4) преувеличенная, то есть неадекватная, реакция на ситуацию внутренней опасности.

При объективном подходе, для того чтобы отличить страх от тревоги, необходимо решить, является ли данная реакция адекватным, рационально направленным на самосохранение ответом на реальную, безусловную опасность, или же между стимулом и реакцией есть диспропорция. Если для одного человека какой-либо стимул может оказаться достаточным для того, чтобы вызвать страх, то для другого этот же стимул может не иметь никакого значения. С возрастанiem диспропорции становится все более очевидным, что источник аффекта находится в самом человеке. В том случае, когда объект отсутствует, или мало-значим, или не представляет опасности, безусловно, реакцию следует рассматривать как иррациональную, являющуюся выражением тревоги. Субъект реагирует определенным образом не в силу объективных факторов, вызывающих страх, а в силу их объективной значимости для него, поэтому, как отмечает Drinker и Robbins (1954), в ситуации обычной или минимальной опасности организм

может давать такие бурные реакции, как если бы столкнулся с угрозой для жизни. С другой стороны, то, что представляется тревогой из-за преувеличенной реакции, может быть в действительности коммуникативным страхом, обусловленным психотравмой, полученной в детстве. В данном случае возникает несколько вопросов. Где проходит граница между предположительно универсальным страхом змей и грызунов и индивидуальной фобической реакцией? Между детскими страхами, являющимися продуктом воображения или усвоения, и проявления чувства внутренней незащищенности? Между осведомленной озабоченностью и нехорошими предчувствиями? Становится понятным, что хотя мы во всех случаях имеем дело с объектом, слишком категоричное деление факторов на внешние и внутренние вряд ли целесообразно.

В качестве другого возможного критерия для дифференциации страха и тревоги предлагается использовать поведенческую реакцию, которая показывает наличие или отсутствие у субъекта возможности и желания эффективно бороться с опасностью. Тревогу в этом случае определяют как состояние беспомощности перед лицом внешней угрозы, а страх – как состояние аффекта, в котором человек ведет себя целенаправленно по отношению к угрозе. Такой взгляд на проблему соотносит тревогу с ситуацией внешней опасности и требует решения вопроса об адекватности и эффективности поведенческой реакции. Трансформируется ли страх в тревогу, если действия человека оказываются неэффективными?

Такие факторы, как повторяемость, хронологическая последовательность также предлагаются в качестве дифференцирующего критерия. Даже если реакция на ситуацию внешней угрозы явно преувеличена, отсутствие ее повторяемости дает основание для квалификации ее как страха, особенно если стимулирующая ситуация незнакома и неожиданна для человека. Если субъект с такой же интенсивностью переживания реагирует на повторение знакомого стимула, то такую ситуацию можно квалифицировать как тревогу. Что касается хронологии (устойчивости аффекта в течение длительного периода после травматического момента), то некоторые люди с «синдромом усталости от боевых действий». (Мау, 1950) – последствием Второй мировой войны, продолжают сохранять прежнюю интенсивность реакций напряжения. То же характерно для тех, кто пережил огромные трудности в тылу, а также для узников нацистских концентрационных лагерей. (Кемпинский, 1998). Какова первоначальная реакция во всех этих случаях – страх или тревога, или и то, и другое, и означает ли текущая фаза продолжение первоначального аффекта или трансформацию страха в тревогу?

Тиллих (1995) считает, что страх и тревога неразделимы – они имманентно связаны друг с другом. «Жало страха – тревога, а тревога стремится стать страхом» (с. 31). И в то же время он разделяет их следующим образом: страх подразумевает конкретный объект, при столкновении с которым человек может проявить мужество. Тревога же означает отсутствие какого-либо объекта и характеризуется соответственно отсутствием направленности и интенциональности. Хотя, в определенном смысле объект имеется и у тревоги, но только в виде понятия угрозы, реальный же источник угрозы при этом отсутствует; иначе говоря, в качестве объекта тревоги выступает «отрицание всякого объекта». Таким образом, тревога – это страх перед неизвестным, а это неизвестное в силу своей природы не может приобрести понятные очертания. В тот момент, когда «тревога в чистом виде» овладевает субъектом, те объекты, которые до этого были причиной страха, предстают как симптомы базисной тревоги, что им было в определенной степени присуще и до этого.

Не суть важно, как называть состояние предчувствия – страхом или тревогой. Можно определить страх как реакцию на ситуацию очевидной внешней опасности, и все остальное квалифицировать как тревогу. Важно то, что тревога не имеет объекта. Два вопроса имеют самое непосредственное отношение к пониманию тревоги: что является объектом угрозы и что или кто является ее субъектом? Что касается первого вопроса, то опасность, как правило,

угрожает целостности живого организма, а в дальнейшем объектом становится целостность «Я» и потребности личностного уровня.

По мнению Bazovitz и других (1955), любой стимул, в принципе, может вызвать реакцию тревоги, так как все зависит от того угрожающего смысла, который имеет данный стимул для данного индивида. Сигнал может психологически восприниматься субъектом как некий значимый символ, актуализирующий его воспоминания о прошлых событиях или по какой-либо другой причине значимый для него. В качестве угрозы может выступать реальная опасность или что-то, предвещающее опасность. Человек стремится закрепить тревогу в значимом объекте реального мира, чтобы преодолеть чувство полной беспомощности.

Можно предположить, что фобия – это не просто попытка создать объект для того, чтобы наполнить конкретным содержанием неприятные предчувствия, но отрицание реального и (бессознательно) известного источника опасности, так как механизм вытеснения сохраняет угрозу в ее первоначальном виде.

Что касается общих отношений между страхом и тревогой, то наиболее распространенное мнение таково, что базисная тревога необходима для дальнейшего развития реакций страха. Goldstein (1939), к примеру, считает тревогу первичной и изначальной реакцией. Первые реакции ребенка на тревогу недифференцированы, а страхи – это более позднее образование, возникающее в результате того, как ребенок научается объективировать и особым образом относиться к тем элементам окружающей среды, которые могут ввергнуть его в «катастрофическое состояние».

May (1939) утверждает, что способность организма реагировать на угрозы его существованию и его потребностям есть тревога в общем и изначальном виде. Позднее, когда организм становится достаточно зрелым, чтобы различать специфические объекты опасности, защитные реакции также приобретают более специфический характер. Эти дифференцированные реакции на специфические объекты угрозы и являются страхами.

Таким образом, тревога – это базисная реакция, общее понятие, а страх – это выражение того же самого качества, но в специфической, объективированной форме.

Нормальная и невротическая тревога

Психологическая проблема тревоги имеет еще один аспект исследования – установление различия между нормальной, рациональной тревогой и патологической, невротической тревогой.

Психиатры до недавнего времени рассматривали любую тревогу как невротическую, не принимая во внимание особенностей внешней ситуации, которые могут естественным образом обуславливать тревогу.

Эту точку зрения критикует Тиллих (1995), который полагает, что в теории много путаницы именно из-за отсутствия четких различий между экзистенциальными и патологическими формами тревоги. Установить такие различия невозможно одним лишь глубинным психологическим анализом. Без онтологического понимания человеческой природы невозможно создать стройную всеобъемлющую теорию лишь на основе исследований, проведенных психологами.

В целом философы и психологи-экзистенциалисты рассматривают тревогу как неотъемлемую часть человеческой жизни, а невротическую тревогу – как явление, возникающее на ее основе вследствие фрустрации в самоутверждении.

Кьеркегору (1993) принадлежат слова о том, что способность человека к свободе порождает тревогу. Во всякой ситуации, когда у человека есть возможность совершения какого-либо действия, потенциально присутствует тревога. Невротическая тревога возникает в результате неспособности человека реализовать эту свободу в ситуации нормальной тревоги. Тиллих (1995) рассматривает патологическую тревогу как следствие неспособности «Я» выдержать экзистенциальную тревогу.

Для экзистенциалистов практически любая человеческая активность связана с тревогой и, потенциально, с невротической тревогой: индивидуализация и конфликт между симбиотической привязанностью и отделением, принятие ответственности, осуществление выбора, поиск смысла и т. д. Одним словом, просто существовать – уже достаточная причина для беспокойства.

Allport (1961) следующим образом описывает экзистенциальный взгляд на проблему: «Человек обнаруживает, что его «бросили» в этот океан непостижимого мира. Ему едва удастся удержаться на поверхности, чтобы не попасть в скрытые течения страха и водовороты острой паники. Он живет в бурных водах нестабильности, одиночества, страданий, преследуемый призраком смерти и небытия» (с. 120).

Психиатры довольно долго игнорировали проблему различия между нормальной и невротической тревогой. Хорни считает, что различие между невротической тревогой и общей тревогой (Urangst) заключается в том, что последняя является выражением человеческой беспомощности перед лицом реальной опасности (болезни, лишений, смерти, сил природы, врагов), тогда как в первой беспомощность в основном является следствием репрессированной враждебности, а в качестве угрозы выступает предвосхищаемая враждебность окружающих.

Kelman (1957) также заявляет, что испытывать тревогу – вполне естественно для человека. Говорить же об иррациональности тревоги возможно только в плане ее источников, функций, отношений к ней человека.

Ostow (1959) отмечает, что общим для реалистической и невротической тревоги является их тенденция к актуализации, когда Эго захлестывает поток инстинктивной энергии или появляются признаки, что это произойдет. Для реалистической формы тревоги характерно воздействие внешних факторов в виде травматической ситуации и событий, ее повлекших. А для невротической формы тревоги характерно воздействие потока инстинктивной энергии или факторов, его обусловивших, что трактуется как прорыв слабо репрессивных влечений.

Реалистическая тревога побуждает субъекта к поиску путей спасения от угрожающего объекта, но и в случае невротической тревоги субъект уходит от борьбы.

Так же, как и при разведении тревоги и страха, отделить нормальную тревогу от невротической гораздо легче теоретически, чем практически. Реакция на реальную, объективную угрозу – страх, но если к нему добавляется оттенок тревоги и событие приобретает бессознательную значимость для субъекта, то реакция приобретает невротический характер. Вопрос о том, существует ли «общечеловеческий феномен» тревоги – это присущее человеку и лишаящее покоя знание о незащищенности его жизни является отдельной и до сих пор не решенной проблемой.

Почему среди людей существуют такие большие различия в отношении к субъективно интерпретируемым источникам тревоги (Urangst), в подверженности их воздействию? Различие, сделанное Фрейдом (1986), заключается в том, что нормальная тревога есть реакция на внешнюю угрозу, а невротическая – на какое-то «побуждающее требование».

May (1950) также утверждает, что нормальная тревога свободна от вытеснения и не задействует механизмы психологической защиты, тогда как невротическая тревога требует вытеснения и действия различных механизмов ограничения активности и сознания.

Подавление угрозы имеет своим результатом то, что индивид не знает источника своего опасения. Блокирование сознания, которое происходит при невротической тревоге, делает индивида более уязвимым по отношению к угрозе и таким образом усиливает невротическую тревогу.

Нормальная тревога есть реакция на угрозу ценностям индивида, которые он считает единственными для его существования как личности. При этом, как указывает May (1950), тревога как реакция:

- недиспропорциональна реальной угрозе;
- не включает подавление или другие механизмы интропсихологического конфликта;
- поэтому не требует невротических защитных механизмов, но может быть ослаблена на уровне произвольного осознания, если необходимо изменить объективную ситуацию.

Как и любая рациональная тревога, она может быть использована конструктивно. Ранк (1924) подчеркивает, что нормальная тревога присуща всем переживаниям на всех возрастных периодах жизни индивида. Если эти потенциально формирующие тревогу переживания преодолены успешно, то они ведут не только к относительно большей независимости ребенка, но и к восстановлению отношений с родителями и с другими людьми на всех уровнях. Тревогу в этих случаях следует рассматривать скорее как нормальную, чем как невротическую.

McDougall (цит. по Rycroft, 1968) придает большое значение тому аспекту тревоги, который не является очевидным, если рассматривать тревогу с ее неизбежной озабоченностью, мучительностью, иррациональностью с точки зрения патологии. Испытывающий тревогу человек чувствует ее не по поводу того, что происходит, он тревожится о том, что может произойти.

Экзистенциалисты, уверяющие нас, что тревога – это неотъемлемый компонент индивидуализации и свободы, иногда сами указывают на истоки тревоги в отношениях между детьми и родителями. Даже если существует онтическая тревога, она так сильно отличается от клинической тревоги с ее межличностными корнями, садомазохистским ядром, вытеснением и защитами, что ей скорее подойдут названия вроде обеспокоенности, осторожности, озабоченности. Отделить такую реакцию от невротической в каждой конкретной ситуации – трудная проблема, поскольку чем глубже исследуешь смысл реакции, тем яснее становится, что не ситуация вызвала оправданное мрачное предчувствие, а сам человек нашел рационализированные причины своей «безобъектной» тревоги.

Интерперсональная концепция происхождения тревоги

Freud (1926) в своей работе «Hemmung, Symptom und Angst» сделал прорыв в изучении проблемы тревоги, но в то же время он придал пониманию этого явления особый уклон, от которого патопсихология до сих пор не может освободиться.

Он сумел увидеть, что тревога имеет ситуационный прообраз в раннем детстве, что эта ситуация психотравматически воздействует на ребенка в силу его беспомощности и размеров опасности и что участие во всем этом матери неоспоримо. Но использование Freud понятия «комплекс смерти» и сделало невозможным установление связи между травматической ситуацией и угрозой, исходящей от матери.

В результате изначально допущенных перекосов позже приходилось пересматривать многие идеи, изменять точку зрения на механизмы тревоги, путаться в двусмысленностях и противоречиях. После длительных блужданий он, наконец, пришел к убеждению о том, что детская тревога связана со страхом наказания и страхом быть брошенным матерью.

В своем первоначальном определении понятия тревоги Freud не учитывал ни фактора Эго, ни межличностных отношений, рассматривая мать как объект, на который направлено либидо ребенка. Тревога оказалась просто нереализованным либидо, результатом трансформации либидо. С ребенком это происходит, когда матери нет рядом с ним, а со взрослым, когда его либидо подавляется либо вследствие ничем не завершающихся случаев сексуального возбуждения, либо вынужденного воздержания. Ни одна из этих гипотез не вызывает полного доверия. В то время как объяснение тревоги, как следствия невозможности реализовать либидо при отсутствии объекта (матери), представляется надуманным, в случае реакции ребенка на постоянных оно выглядит довольно правдоподобно. Присутствие незнакомого человека должно усиливать переживание ребенком факта отсутствия матери в данный момент. То, что ребенок может бояться чужих потому, что наделяет их злыми намерениями, Freud отверг как «несостоятельный теоретический конструкт». Что же касается различий в степени личностной тревожности среди детей, он объяснил их конституциональными различиями, а также имевшим место в детстве «чрезмерным удовлетворением либидо». Таким образом, получается, что как недостаточное, так и чрезмерное удовлетворение либидо дает одинаковый эффект. Утверждение о том, что обильная экспрессия либидо повышает уровень тревоги, противоречит другому положению теории либидо о том, что фрустрация и вытеснение либидо приводят к тревоге.

Затем на смену этой первоначальной теории пришла прямо противоположная: тревога есть причина, а не следствие вытеснения. Что же в таком случае является причиной тревоги? Снова либидо. «Притязания» либидо уже сами по себе создают ситуацию опасности, независимо от последствий их осуществления.

В невротической тревоге «человек испытывает страх перед собственным либидо ... Эго пытается уйти от требований либидо и поэтому относится к этой внутренней опасности так, как если бы она была внешней». (Фрейд, 1989, с. 258).

Но Фрейд сделал следующий шаг в исследовании проблемы, выдвинув идею о том, что внутренняя инстинктивная опасность – это компромисс с внешней, реальной ситуацией опасности – родительским наказанием. К примеру, сексуальные импульсы мальчика, направленные на его мать, вызывают в нем тревогу и подвергаются вытеснению, вызываемому опасностью наказания в виде кастрации, исходящей от отца.

Фрейд, по всей видимости, никак не хотел признать того, что стало абсолютно очевидным – связи между тревогой и враждебностью, хотя вначале он писал, «что ближайшая участь аффекта состоит в превращении в страх» (1989, с. 267). В работах Фрейда нет ни слова о трансформации гнева в тревогу. Равно как и о какой-либо внешней угрозе, обусловленной мотивом враждебности. Страх быть брошенным матерью и страх быть кастрированным отцом

– плод фантазии. Нет ни намека на какие-либо реально существующие основания для таких представлений, равно как и в случае женской ненависти к матери, что также является одной из тем Фрейда.

Но что обуславливает «травматическую» ситуацию в детстве, чувство беспомощности перед лицом страшной опасности? Позднее тревога служит предупреждением об опасности, то есть сигналом возможности оказаться в травматической ситуации. Однако только ли отсутствие матери составляет содержание ситуационного прообраза? Фрейд также предложил рассматривать роды как еще одну форму травматического опыта. Но для того чтобы быть прообразом, опасность должна быть реальной, чтобы ребенок действительно ощущал исходящую от нее угрозу его жизни. Фрейд довольно скептически отнесся к идее, в свое время выдвинутой Rank (1924), и настаивал на том, что роды являются не реальной психотравмой, а символом отделения. Отделение ассоциируется у ребенка с наказанием, но тогда угроза имеет потенциальный характер, а ребенок видит причину ее возникновения в своей собственной виновности.

Таким образом, Фрейд оставляет без ответа вопросы, имеющие ключевое значение для понимания проблемы базисной тревоги.

Являются ли роды действительно травматическим опытом и прообразом тревоги или они лишь символизируют отделение и в этом смысле не более, чем метафора? Что является внутренней ситуацией опасности у ребенка на до-Эдиповой стадии – признание либидо или фрустрация его экспрессии? Почему ребенок ощущает сверхсильную угрозу и испытывает тревогу от Эго, и будет защищать его посредством сигнальной тревоги? Почему наказание означает смерть (быть брошенным матерью) и увечье (быть кастрированным отцом)? Если бы Фрейд позволил себе связать тревогу с враждебностью, то есть рассматривал бы ее как реакцию на реальную внешнюю угрозу, он бы избавил себя от длительных и непродуктивных попыток, которые почти не приблизили его к пониманию проблемы.

Заслуга Klein (1948) в том, что она поставила враждебность в центр реакции тревоги. Проанализировав ситуацию детской тревоги, она обнаружила, что первостепенное значение имеют агрессивные импульсы и фантазии, генерализуемые различными источниками, но на определенной стадии детского онтогенеза эти процессы сходятся в одной точке и достигают кульминационной силы.

Тревогу, свойственную маленьким детям, возможно ослабить только воздействием этих импульсов и фантазий, при этом учитывая особую роль, которую играет агрессия в стимулировании тревоги. Ранние процессы интроекции и проекции приводят к появлению в структуре Эго рядом с положительными образами объектов чрезвычайно пугающих и преследующих (пресекутивных) образов. Эти образы ребенок воспринимает в свете своих собственных агрессивных импульсов, то есть он проецирует свою агрессию на те внутренние образы, которые образуют часть его раннего Супер-Эго. Первые защитные реакции Эго направлены против тревоги, вызываемой этими импульсами.

После того, как Фрейд заявил о концепции инстинкта смерти, Klein пришла к убеждению, что тревогу вызывает опасность, исходящая от этого инстинкта. Страх смерти является причиной тревоги, он не может быть устранен и участвует во всех ситуациях тревоги. Опасность, создаваемая действием инстинкта смерти, ощущается ребенком как атака, как нечто, преследующее его. Следствием такого опыта является представление о внешнем мире как о чем-то враждебном.

Эго направляет импульсы разрушения против первого внешнего объекта, с которым сталкивается ребенок – материнской груди. Ребенок ощущает, что отказ в материнской груди – это возмездие за враждебное отношение к ней с его стороны, и грудь, отказывающая ему в молоке, становится внешним представлением инстинкта смерти. Происходят постоянные флуктуации между страхами внутренних образов и внешних плохих объектов, между инстинктом смерти, действующим внутри и объективирующимся вовне.

Агрессивные импульсы ребенка, благодаря проекции, играют основную роль в образовании им образов преследования, эти образы усиливают пресекьюторную тревогу, которая, в свою очередь, усиливает его агрессивные импульсы.

Klein (1948) устанавливает различия между двумя основными формами тревоги – пресекьюторной и депрессивной. Первая связана с уничтожением Эго, вторая – с причинением вреда внутренним любимым образам и внешним любимым объектам разрушительными импульсами субъекта. Она также различает объективную тревогу, которая является страхом потери матери, и невротическую, определяемую как представление о том, что мать была уничтожена его агрессивными импульсами или находится под угрозой уничтожения.

Некоторые идеи Klein (1948) представляются эксцентричными, но ей более чем кому-либо удалось понять смысл импульсов разрушения и страхов, порождающих детскую тревогу, а также внести коррективы в концепцию Фрейда, лишив ее узконаправленного сведения всех процессов к либидо. Однако существенным недостатком ее теории является отнесение детской агрессивности к инстинкту смерти и понимание роли матери только в рамках механизма проекции и интроекции. Как и в работах Фрейда, мать у Klein не несет ответственности. Позже она несколько изменяет свои взгляды и признает особую роль взаимоотношений между матерью и ребенком, но первичная тревога так и остается продуктом инстинкта смерти.

В то время как Klein много писала о чувстве тревоги при разлучении, она оставила мало замечаний по поводу того, как грудные и маленькие дети действительно ведут себя при отсутствии матери.

А. Фрейд (1993) была одной из первых, кто зарегистрировал такие наблюдения, однако она долгое время не придавала значения этой проблеме. Она указывает, что дети от одного года до трех лет проявляют бурную реакцию на уход, замечая, что способность любить у детей в этот момент оказывается лишенной своего привычного объекта. Их стремление к матери таким образом становится непереносимым и приводит к состоянию отчаяния.

Сформировав свои теоретические взгляды, она предположила, что объяснение привязанности ребенка к матери должно быть отнесено к теории вторичного побуждения, поскольку у грудного ребенка нет иных потребностей, кроме как потребностей тела, а что касается тревоги при расставании, то она является реакцией на боязнь того, что эти потребности тела окажутся неудовлетворенными.

В более поздних работах А. Фрейд описывает отдельные проявления тревоги на ранних этапах развития ребенка, каждый из которых характеризуется определенным отношением к объекту. Так тревога при разлучении (также, как и боязнь уничтожения, голодания, одиночества и беспомощности) считается ею первым этапом развития взаимоотношений с объектом и рассматривается как симбиотическая фаза, являющаяся одной из форм биологического единства матери и ребенка. На последующих этапах развития ребенка имеют место иные формы тревоги, отличные от тревоги при разлучении. Например, позднее сильное чувство тревоги при расставании относится за счет закрепления (фиксации) симбиотической фазы.

Рассмотренные теории контрастируют с более поздними интерперсональными теориями тревоги. Так, Kardiner (1959) и его единомышленники утверждают, что тревога фокусирует внимание сначала на перцепции и только потом на механизмах защиты, ограждающей организм от опасности, идентифицированной на стадии перцепции. Психология «Эго-адаптации» рассматривает эти процессы как функции, сформировавшиеся на самом раннем этапе в результате изолированно действующих внутренних сил организма. По мнению Kardiner, хотя и «возможно отказаться от понятий либидо и инстинкта смерти, едва ли можно отказаться от понятия инстинкта вообще, поскольку реакция тревоги имеет глубокие корни в инстинкте самосохранения и в инстинктивной способности ребенка улавливать материнские импульсы разрушения и яростно реагировать на них» (с. 342).

Со временем положения классического психоанализа подверглись существенным изменениям, хотя основные идеи остались почти неизменными. Появилась тенденция к учету в психоаналитическом исследовании новейших достижений возрастной психологии.

Первым свидетельством формирования нового научного направления явились лонгитюдные исследования детей, осиротевших во время войны. (Цит. по Блюму, 1996). В них обращалось внимание на роль катектических реакций и последствия лишения ребенка возможности общаться с матерью. Очень многое для понимания значения отношений между матерью и ребенком сделал Spitz (1965), проанализировавший первые предметные связи ребенка, выявивший функцию эмпатии в первичном отношении кормления.

Необходимым условием правильного развития ребенка, по его мнению, является внимательная опека, надлежащее эмоциональное отношение к нему со стороны матери. Особенно неблагоприятное воздействие оказывает на него отлучение от матери, приводящее к различным нарушениям. Разлука, длящаяся более пяти месяцев, вызывает так называемый госпитализм.

Кроме того, некоторые типы отношений между матерью и ребенком predispose к использованию определенных защитных механизмов, являющихся результатом своеобразного преобразования защитных физиологических механизмов в психологические.

Неблагоприятно сказываются на развитии ребенка и отрицательные черты матери, обуславливающие ее неспособность выступать в качестве должного первичного объекта идентификации и воспитывать его с помощью необходимых запретов и ограничений.

Возникшая благодаря работам Bowlby и Spitz тенденция искать причины неадекватного функционирования индивида в опыте, накопленном ребенком при установлении его первых связей с матерью, прослеживается в работах многих исследователей.

Одной из теорий, сформировавшихся в рамках этого научного направления, является теория Cutt (1961). Как и Klein причину поведенческих расстройств он видит в конфликте между потребностью в любви и тем, как на нее отвечает окружение. Нормальное развитие возможно благодаря переходу от первоначального чувства любви, направленного только на мать, к чувству симпатии ко всем людям, включая мать. Если мать плохо выполняет свои функции или не умеет вовремя от них отказаться, у ребенка начинают формироваться тревожные отношения с другими людьми или же, если его связь с матерью становится чересчур сильной, у него формируется инфантильный характер. В обоих случаях отмечается регресс поведенческих реакций, формы которого зависят от типа отношений между матерью и ребенком.

Так, например, если ребенок убежден в том, что мать всегда добра к нему, то проявление нелюбви с ее стороны приводит к возникновению у него чувства неполноценности, уверенности, что он «сам плохой», он теряет доверие к ней, реагирует появлением чувства тревоги. Если потребность в любви у него сильна, а дать однозначную оценку матери он не может, ребенок старается или «заставить» ее любить его, или пытается «отыграться» за недостаток любви. Кроме того, если мать опекает ребенка чрезмерно, неадекватно его возрасту, то он прибегает к поведенческим актам с элементами истерии.

Подобным образом рассматривается проблема поведенческих расстройств у детей и представителями швейцарской психоаналитической школы. Так, Walder (1968) полагает, что доминирование матери и изоляция приводят к тому, что ребенок не может выйти за пределы своего внутреннего мира. Внешний мир оказывает ему сильное противодействие. Столкновение с реальностью, происходящее раньше или позже, приводит к возникновению тревоги.

Walder описывает основные клинические синдромы межличностных нарушений в семье, рассматривая тревогу, отмечаемую у ребенка, как неотъемлемый компонент этих нарушений, появление общей деформации семейной жизни.

Rank (1924) как уже указывалось, видит причину возникновения тревоги в травме рождения. Ситуация рождения с неотъемлемым физиологическим и психическим шоком вызы-

вает первичную тревогу. Эта тревога органически присуща индивиду и заявляет о себе во всех ситуациях, чем-то сходных с ситуацией рождения, и прежде всего – в ситуациях, содержащих элемент отделения. Поэтому особенно сильной тревога становится при отлучении от груди матери. Стремление к повторному единению с матерью бывает очень сильным и сохраняется всю жизнь.

Таким образом, по утверждению Rank, все расстройства невротического типа всегда имеют одну и ту же основу, а именно, – тревогу отделения, связанную с травмой, перенесенной при рождении. Эта тревога приводит к тому, что ребенок не чувствует себя в безопасности, оказывается предрасположенным к тому, чтобы быть зависимым, неуверенным в себе самом и правильности своих решений, неспособным проявить свои положительные качества.

В работе Хорни (1993) по данной проблеме устанавливается связь между «базисной тревогой» и «базисной враждебностью», возникающими в отношениях ребенка с родителями. Тревога считается базисной по двум причинам:

- она развивается на раннем этапе жизни субъекта;
- она порождает «невротические тенденции» (или защиты), от которых зависит безопасность человека.

Любая угроза действию невротических тенденций, а также конфликт между ними, который нарушает психическое равновесие, продуцирует тревогу. Угроза воспринимается как потенциальная опасность разрушения основных структур личности потому, что только подчиняясь и следуя своим невротическим тенденциям, личность ощущает себя в безопасности.

Среди внутренних факторов, воспринимаемых как угроза, первое место занимает враждебность, но не потому, что враждебность как таковая вызывает тревогу, а потому, что ее проявление может содержать опасность для жизненно важных ценностей субъекта из-за возможной ответной реакции.

Базисная тревога, согласно Хорни, есть целиком и полностью результат нарушения отношений с родителями (или другими значимыми людьми). Для здорового личностного развития ребенка необходима любовь, понимание и поддержка в его стремлении к индивидуализации. Тревога – это результат конфликта тенденций или потребностей. Типичный конфликт, приводящий к тревоге, – конфликт между зависимостью от родителей, усугубляемый у ребенка ощущением, что его пытаются изолировать и запугать, и враждебными импульсами по отношению к родителям.

Враждебность может быть вызвана у ребенка различными причинами: «... предпочтение других детей, несправедливые упреки, непредсказуемые колебания между чрезмерной снисходительностью и презрительным отвержением, невыполненные обещания и, отнюдь не самое маловажное, такое отношение к потребностям ребенка, которое проходит через все градации – от временной невнимательности до постоянного вмешательства и ущемления самых насущных и законных желаний» (с. 64).

В этих случаях у ребенка развивается «чувство собственной незначительности, беспомощности, покинутости, подверженности опасности, нахождения в мире, который открыт обидам, обману, нападкам, оскорблениям, предательству, зависти» (с.74). Окружающая действительность порождает страх. Поскольку ребенок «лишается уверенности в своей нужности, ценности для других ...», он «... будет более ранимым и обидчивым, чем другие, и менее способным к самозащите» (с.71).

Ребенок воспринимает действительность как угрозу своему развитию, своим законным желаниям и устремлениям. Он чувствует, что его могут лишить индивидуальности. Он беспомощен и должен подавлять свою враждебность из-за страха, что его бросят или подвергнут какому-либо наказанию. Эта незащищенность в совокупности со страхом возмездия, который остается несмотря на вытеснение, является одной из причин базисного чувства беспомощности во враждебном мире. Желая освободиться от тревоги, ребенок развивает определенные

личностные тенденции, которые приобретают импульсивный характер из-за их обусловленности тревогой. Назначение этих тенденций – безопасность.

Таким образом, мы располагаем достаточно ясной картиной интерперсонального варианта объяснения происхождения тревоги.

Нам бы хотелось обратить внимание на употребление Хорни исключительно слова «родители». Вообще, слова типа «родственники», «друзья» обозначают группу людей, но ведь ребенок устанавливает отношения не с группой как целым, а с каждым человеком в отдельности.

Что касается Хорни, то она игнорирует материнские разрушительные импульсы, которые порождают описываемые ею неблагоприятные ситуации. Поэтому ее так называемая «базисная тревога» на самом деле является невротическим воспроизведением того раннего этапа онтогенеза, когда и возникли страхи, отношения, враждебные реакции, порожденные действительно базисной ситуацией, и потом продолжали поддерживаться постоянным чувством угрозы, исходящей от матери. Отец становится участником борьбы как продолжение материнской угрозы, как союзник ребенка или в качестве того и другого одновременно.

Эта же критика может быть адресована и другим концепциям, рассматривающими генезис тревоги из отношений с «родителями». Для Mowrer (1950) предпосылкой тревоги является «социальная дилемма», возникающая на раннем этапе отношений с родителями. С одной стороны, ребенок зависит от родителей, с другой – он испытывает страх перед ними и уйти от этой дилеммы, а следовательно, от тревоги он не может.

Механизм вытеснения срабатывает в связи с возникновением реальных страхов – как правило, страха наказания и страха потерять любовь. Это и порождает невротическую тревогу, а также замещающие симптомы как средство ее разрешения.

Фромм (1994) считает, что тревога есть последствие эмоциональных связей со «значимыми людьми», окружающими ребенка на раннем этапе. Фиксация на этих ранних моделях интерперсонального контакта делает людей психологически беспомощными и плохо адаптируемыми. Тревога похожа на состояние, в котором человек теряет контроль над собой.

Blau и Hulse (1956) рассматривают детскую тревогу как спровоцированную реакцию, обусловленную семейной атмосферой, в которой преобладают отношения отвержения и враждебности. Делая акцент на межличностных отношениях, эти теории происхождения тревоги размывают системообразующий принцип примата материнского влияния.

В теории Sullivan (1948) на первый план выходит мать, но угроза, вызывающая тревогу, сводится лишь к наличию тревоги в самой матери и позднее к страху неодобрения. Если сигналы ребенка матери о желании снять напряжение встречают понимание, у ребенка возникает ощущение эйфории и безопасности. Если же эти сигналы вызывают у матери напряжение, у ребенка развивается тревога. Совсем маленькие дети похожим образом реагируют в случаях, когда проявляют тревогу, злость и т. п. Чтобы объяснить это своего рода эмоциональное «заражение», Sullivan ввел понятие «эмпатии» как вида контакта.

Вопрос заключается в следующем: является ли тревога ничем иным, как заражением материнским аффектом? Объяснение Sullivan можно считать правомерным только в том случае, если предположить, что ребенок «произрастает» из «материнского беспокойства», что его потребности не удовлетворяются и, соответственно, само существование подвергается опасности. Позднее ребенок начинает осознавать родительскую оценку, и его Я-концепция начинает формироваться на основе получаемых одобрений и порицаний. Те импульсы, которые генерируют тревогу у родителей, являются косвенной причиной тревоги и у ребенка, поскольку последнему свойственен страх перед неодобрением. Такие импульсы персонифицируются ребенком как «Я-плохой», импульсы же принятия его родителями персонифицируются как «Я-хороший». Когда же действие ребенка или даже само его существование встречает суровое неодобрение, ребенок испытывает разрушительную тревогу. Sullivan достаточно ясно

показывает, что именно во взаимоотношениях с матерью у ребенка развивается страх осуждения, который порождает тревогу и лишает чувства безопасности.

Однако есть довольно заметное несоответствие между предлагаемыми Sullivan механизмами и характером детской тревоги. Нам представляется, что судя по характеру состояний ужаса и паники, которые наблюдаются у человека позднее, кстати, их описание есть и у Sullivan, есть основание считать, что механизм тревоги имеет более адекватный характер. Он считал, что ужас – это тревога космического уровня, а паника означает высокую концентрацию внимания и всех сил на одной цели – бегстве, стремлении быстро уйти от опасности, о которой субъект не имеет ясного представления. Если же принять, что ужас и паника – формы тревоги, то становится понятным, что детская тревога – это реакция на нечто большее, чем материнская обеспокоенность или неодобрение.

Почти во всех концепциях механизма тревоги угроза рассматривается как фактор, стимулирующий реакцию тревоги. Угроза обычно либо присутствует реально, либо явно подразумевается. По мнению Кьеркегора (1993), угроза – неотъемлемый элемент процесса актуализации возможностей или становления личности. Для Ранка угроза неотделима от независимости из-за «страха смерти». Для Юнга (1997, 1991) угроза – это возможность вторжения в сознание индивида иррациональных сил коллективного бессознательного.

Мы находим большие противоречия у Goldstein (1957) в его анализе тревоги. Для него тревога – это субъективное состояние организма в «состоянии катастрофы». Это состояние возникает, когда личность ощущает угрозу своим основополагающим жизненным ценностям. Только угроза жизни, а не боль или другая ситуация опасности способны породить тревогу. В состоянии тревоги субъект испытывает ощущение «распада личности». У него «все, что препятствует самореализации, приводит организм к дезорганизации и катастрофе, субъективно ощущаемых им как тревога» (с. 105).

Ведя речь о детской тревоге, следует заметить, что ребенок часто сталкивается с проблемами, с которыми не может справиться. Поскольку тревога является выражением настоящего состояния субъекта, она никоим образом не связана с какими-либо состояниями в прошлом, в которых также возникала тревога.

Goldstein связывает тревогу с опытом прошлых лет. В результате родов разрывается изначальное органическое целое, которое образуют ребенок и мать, и «катастрофические состояния, тревога, нарушения нормального развития могут последовать, если связь не восстанавливается» (с. 109). Возможность образования нового единства зависит от внешних условий, в особенности от поведения матери. Необходимо не только адекватно удовлетворить потребности ребенка, но и что более важно – восстановить связь между ребенком и матерью, «иначе возможны катастрофические состояния, вынести которые у ребенка не хватает сил» (с. 110).

Теории происхождения тревоги, как правило, постулируют фактор дефицитарности: отсутствие матери, неправильный уход за ребенком, неспособность «восстановить изначальное целое».

Bazowitz и др. (1955) утверждают, что в основе тревоги лежит прошлый опыт субъекта, связанный с недостаточным удовлетворением потребностей, недостаточным уходом или кормлением в детском возрасте.

Bowlby (1960) считает, что если в момент активации систем инстинктивного реагирования матери не оказывается рядом, ребенок испытывает тревогу. Он также полагает, что при условиях теплых, близких, стабильных взаимоотношений между ребенком и матерью тревога не может развиваться до уровня патологии и что многие состояния тревоги прямо или косвенно связаны с депривацией.

Другие исследователи, однако, не находят какой-либо корреляции между тревогой и «материнской депривацией». Напротив, одной из отличительных особенностей человека,

испытывающего дефицит материнского участия в той или иной форме в детстве, является отсутствие тревоги.

Bender (1950) также свидетельствует, что у детей, воспитывающихся в детских учреждениях, отсутствует напряжение и реакция тревоги. (Тревога отделения – это, разумеется, совсем другое дело. Она является следствием враждебно зависимых отношений между матерью и ребенком).

Cattell и Scheier (1961) сомневаются, что фрустрация или депривация сама по себе может вызвать тревогу. Они пишут, «что эксперименты над животными и самоанализ человека не дали четких эмпирических доказательств того, что депривация и чрезмерное, не удовлетворяемое внутреннее напряжение непосредственно провоцируют страх» (с. 396).

Они полагают, что на уровне понятий связи могут возникать при выстраивании следующей последовательности: депривация фиксируется на реальном или воображаемом препятствии, затем переходит в злость и агрессию, которые заканчиваются тяжелым наказанием. Очевидная универсальность этого представления для всех культур и народностей может служить достаточным основанием для того, чтобы считать субъективно ощущаемую депривацию опасным сигналом возникновения тревоги. Таким образом, тревогу вызывает не депривация, а угроза наказания, которое может последовать за агрессией, направленной на источник фрустрации.

В обычной ситуации ухода за ребенком трудно отделить депривацию в чистом виде от враждебного материнского отношения. У ребенка может развиваться тревога не потому, что он проявляет агрессию или хочет проявить агрессию в отношении своей матери, как источника фрустрации, а потому, что он убежден, что мать намеренно отказывает ему в удовлетворении его потребностей, движимая чувством враждебности. Тогда тревога – это реакция на материнскую враждебность, на вызванный ею гнев из-за опасности возмездия. Если в отношениях с матерью ребенок ощущает безопасность, он переносит и депривацию, и определенную степень неодобрения без повышения уровня тревоги; у него не возникает мрачных предчувствий, связанных с отделением или страхом потерять любовь матери или ее принятие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.